

ЮБИЛЕЙ

Шутка в одном действии

Действующие лица

Шипучин Андрей Андреевич,	председатель правления N-ского Общества взаимного кредита, нестарый человек, с моноклем.
Татьяна Алексеевна,	его жена, 25 лет.
Хирин Кузьма Николаевич,	бухгалтер банка, старик.
Мерчуткина Настасья Федоровна,	старуха в салопе.

Члены банка.

Служащие в банке.

Действие происходит в N-ском Банке взаимного кредита.

Кабинет председателя правления. Налево дверь, ведущая в контору банка. Два письменных стола. Обстановка с претензией на изысканную роскошь: бархатная мебель, цветы, статуи, ковры, телефон.— Полдень.

Хирин один; он в валенках.

Хирин (кричит в дверь). Пошлите взять в аптеке валериановых капель на пятнадцать копеек да велите принести в директорский кабинет свежей воды! Сто раз вам говорить! (Идет к столу.) Совсем замучился. Пишу уже четвертые сутки и глаз не смыкаю; от утра до вечера пишу здесь, а от вечера до утра — дома. (Кашляет.) А тут еще воспаление во всем

теле. Зноб, жар, кашель, ноги ломит и в глазах этакие... междометия. (Садится.) Наш кривляка, этот мерзавец, председатель правления, сегодня на общем собрании будет читать доклад: «Наш банк в настоящем и в будущем». Какой Гамбетта, подумаешь... (Пишет.) Два... один... один... шесть... ноль... семь... Затем, шесть... ноль... один... шесть... Ему хочется пыль пустить, а я вот сиди и работай для него, как каторжный!.. Он в этот доклад одной только поэзии напустил и больше ничего, а я вот день-деньской на счетах щелкай, черт бы его душу драл!.. (Щелкает на счетах.) Терпеть не могу! (Пишет.) Значит, один... три... семь... два... один... ноль... Обещал наградить за труды. Если сегодня все обойдется благополучно и удастся очки втереть публике, то обещал золотой жетон и триста наградных... Увидим. (Пишет.) Ну, а если труды мои пропадут даром, то, брат, не взыщи... Я человек вспыльчивый... Я, брат, под горячую руку могу и преступление совершить... Да!

За сценой шум и аплодисменты. Голос Шипучина: «Благодарю! благодарю! Тронут!» Входит Шипучин. Он во фраке и белом галстуке; в руках только что поднесенный ему альбом.

Шипучин (стоя, в дверях и обращаясь в контору). Этот ваш подарок, дорогие сослуживцы, я буду хранить до самой смерти как воспоминание о счастливейших днях моей жизни! Да, милостивые государи! Еще раз благодарю! (Посылает воздушный поцелуй и идет к Хирину.) Мой дорогой, мой почтеннейший Кузьма Николаич!

Все время, пока он на сцене, служащие изредка входят с бумагами для подписи и уходят.

Хирин (вставая). Честь имею поздравить вас, Андрей Андреич, с пятнадцатилетней годовщиной нашего банка и желаю, чтоб...

Шипучин (крепко пожимает руку). Благодарю, мой дорогой! Благодарю! Для сегодняшнего знаменательного дня, ради юбилея, полагаю, можно и поцеловаться!..

Целуются.

Очень, очень рад! Спасибо вам за службу... за все, за все спасибо! Если мною, пока я имею честь быть председателем правления этого банка, сделано что-нибудь полезное, то этим я обязан прежде всего своим сослуживцам. (Вздыхает.) Да, батенька, пятнадцать лет! Пятнадцать лет, не будь я Шипучин! (Живо.) Ну, что мой доклад? Подвигается?

Хирин. Да. Осталось всего страниц пять.

Шипучин. Прекрасно. Значит, к трем часам будет готов?

Хирин. Если никто не помешает, то кончу. Пустяки осталось.

Шипучин. Великолепно. Великолепно, не будь я Шипучин! Общее собрание будет в четыре. Пожалуйста, голубчик. Дайте-ка мне первую половину, я проштудирую... Дайте скорее... (Берет доклад.) На этот доклад я возлагаю громадные надежды... Это мое profession de foi¹, или, лучше сказать, мой фейерверк... Фейерверк, не будь я Шипучин! (Садится и про себя читает доклад.) Устал я, однако, адски... Ночью у меня был припадочек подагры, все утро провел в хлопотах и побегушках, потом эти волнения, овации, эта агитация... устал!

Хирин (пишет). Два... ноль... ноль... три... девять... два... ноль... От цифр в глазах зелено... Три... один... шесть... четыре... один... пять... (Щелкает на счетах.)

Шипучин. Тоже неприятность... Сегодня утром была у меня ваша супруга и опять жаловалась на вас. Говорила, что вчера вечером вы за нею и за свояченицей с ножом гонялись. Кузьма Николаич, на что это похоже? Аи-аи!

Хирин (сурово). Осмелюсь ради юбилея, Андрей Андреич, обратиться к вам с просьбой. Прошу вас, хотя бы из уважения к моим каторжным трудам, не вмешивайтесь в мою семейную жизнь. Прошу!

Шипучин (вздыхает). Невозможный у вас характер, Кузьма Николаич! Человек вы прекрасный, почтенный, а с женщинами держите себя, как какой-нибудь Джэк. Право. Не понимаю, за что вы их так ненавидите?

Хирин. А я вот не понимаю: за что вы их так любите?

Пауза.

Шипучин. Служащие поднесли сейчас альбом, а члены банка, как я слышал, хотят поднести мне адрес и серебряный жбан... (Играя моноклем.) Хорошо, не будь я Шипучин! Это не лишнее... Для репутации банка необходима некоторая помпа, черт возьми! Вы свой человек, вам все, конечно, известно... Адрес сочинял я сам, серебряный жбан купил тоже я сам... Ну, и переплет для адреса сорок пять рублей, но без этого нельзя. Сами бы они не догадались. (Оглядывается.) Обстановочка-то какова! Что за обстановка! Вот говорят, что я мелочен, что мне нужно, чтобы только замки у дверей были почищены, чтоб служащие носили модные галстуки да у подъезда стоял толстый швейцар. Ну, нет, судари мои. Замки у дверей и толстый швейцар — не мелочь. Дома у себя я могу быть мещанином, есть и спать по-свински, пить запоем...

Хирин. Прошу, пожалуйста, без намеков!

Шипучин. Ах, никто не намекает! Какой у вас невозможный характер... Так вот я и говорю: дома у себя я могу быть мещанином, парвеню и слушаться своих привычек, но здесь все должно быть en grand². Здесь банк! Здесь каждая деталь должна импонировать, так сказать, и иметь торжественный вид. (Поднимает с пола бумажку и бросает ее в камин.) Заслуга моя именно в том, что я высоко поднял репутацию банка!.. Великое дело — тон! Великое, не будь я Шипучин. (Оглядев Хирина.) Дорогой мой, каждую минуту сюда может явиться депутация от членов банка, а вы в валенках, в этом шарфе... в каком-то пиджаке дикого цвета... Могли бы надеть фрак, ну, наконец, черный сюртук...

Хирин. Для меня здоровье дороже ваших членов банка. У меня воспаление всего тела.

Шипучин (волнуясь). Но согласитесь, что это беспорядок! Вы нарушаете ансамбль!

Хирин. Если придет депутация, то я спрятаться могу. Не велика беда... (Пишет.) Семь... один... семь... два... один... пять... ноль. Я и сам беспорядков не люблю... Семь... два... девять... (Щелкает на счетах.) Терпеть не могу беспорядков! Вот хорошо бы вы сделали, если бы не приглашали сегодня на юбилейный обед дам...

Шипучин. Пустяки какие...

Хирин. Я знаю, вы для шику напустите их сегодня полную залу, но, глядите, они вам все дело испортят. От них всякий вред и беспорядок.

Шипучин. Напротив, женское общество возвышает!

Хирин. Да... Ваша супруга, кажется, образованная, а в понедельник на прошлой неделе такое выпалила, что я потом дня два только руками разводил. Вдруг при посторонних спрашивает: «Правда ли, что у нас в банке муж накупил акций Дряжско-Пряжского банка, которые упали на бирже? Ах, мой муж так беспокоится!» Это при посторонних-то! И зачем вы откровенничаете с ними, не понимаю! Хотите, чтобы они вас под уголовщину подвели?

Шипучин. Ну, довольно, довольно! Для юбилея это все слишком мрачно. Кстати, вы мне напомнили. (Смотрит на часы.) Сейчас должна приехать моя супружница. В сущности, следовало бы съездить на вокзал, встретить ее, бедняжку, но нет времени и... и устал. Признаться, я не рад ей! То есть я рад, но для меня было бы приятнее, если бы она еще денька два пожила у своей матери. Она потребует, чтобы я сегодня провел весь вечер с нею, а, между тем, у нас сегодня предполагается после обеда маленькая экскурсия... (Вздрагивает.) Однако, у меня уже начинается нервная дрожь. Нервы так напряжены, что достаточно, кажется, малейшего пустяка, чтобы я расплакался! Нет, надо быть крепким, не будь я Шипучин!

Входит Татьяна Алексеевна, в ватерпруфе и с дорожной сумочкой через плечо.

Шипучин. Ба! Легка на помине!

Татьяна Алексеевна. Милый! (Бежит к мужу, продолжительный поцелуй.)

Шипучин. А мы только что о тебе говорили!.. (Смотрит на часы.)

Татьяна Алексеевна (запыхавшись). Соскучился? Здоров? А я еще дома не была, с вокзала прямо сюда. Нужно тебе рассказать многое, многое... не могу утерпеть... Раздеваться я не буду, я на минутку. (Хирину.) Здравствуйте, Кузьма Николаич! (Мужу.) Дома у нас все благополучно?

Шипучин. Все. А ты за эту неделю пополнела, похорошела... Ну, как съездила?

Татьяна Алексеевна. Превосходно. Кланяются тебе мама и Катя. Василий Андреич велел тебя поцеловать. (Целует.) Тетя прислала тебе банку варенья, и все сердятся, что ты не пишешь. Зина велела тебя поцеловать. (Целует.) Ах, если б ты знал, что было! Что было! Мне даже страшно рассказывать! Ах, что было! Но я вижу по глазам, что ты мне не рад!

Шипучин. Напротив... Милая... (Целует.)

Хирин сердито кашляет.

Татьяна Алексеевна (вздыхает). Ах, бедная Катя, бедная Катя! Мне ее так жаль, так жаль!

Шипучин. У нас, милая, сегодня юбилей, всякую минуту может явиться сюда депутация от членов банка, а ты не одета.

Татьяна Алексеевна. Правда, юбилей! Поздравляю, господа... Желаю вам... Значит, сегодня собрание, обед... Это я люблю. А помнишь, тот прекрасный адрес, который ты так долго сочинял для членов банка? Его сегодня будут тебе читать?

Хирин сердито кашляет.

Шипучин (смущенно). Милая, об этом не говорят... Право, ехала бы домой.

Татьяна Алексеевна. Сейчас, сейчас. В одну минуту расскажу и уеду. Я тебе все с самого начала. Ну-с... Когда ты меня проводил, я, помнишь, села рядом с той полной дамой и стала читать. В вагоне я не люблю разговаривать. Три станции все читала и ни с кем ни одного слова... Ну, наступил вечер, и такие, знаешь, пошли всё мрачные мысли! Напротив сидел молодой человек, ничего себе так, недурненький, брюнет... Ну, разговорились... Подошел моряк, потом студент какой-то... (Смеется.) Я сказала им, что я не замужем... Как они за мной ухаживали! Болтали мы до самой полночи, брюнет рассказывал ужасно смешные анекдоты, а моряк все пел. У меня грудь заболела от смеха. А когда моряк — ах, эти моряки! — когда моряк узнал нечаянно, что меня зовут Татьяной, то знаешь, что он пел? (Поет басом.) Онегин, я скрывать не стану, безумно я люблю Татьяну!.. (Хохочет.)

Хирин сердито кашляет.

Шипучин. Однако, Танюша, мы мешаем Кузьме Николаичу. Поезжай домой, милая... После...

Татьяна Алексеевна. Ничего, ничего, пусть и он послушает, это очень интересно. Я сейчас кончу. На станцию выехал за мной Сережа. Подвернулся тут какой-то молодой человек, податной инспектор, кажется... ничего себе, славненький, особенно глаза... Сережа представил его, и мы поехали втроем... Погода была чудная...

За сценой голоса: «Нельзя! Нельзя! Что вам угодно?» Входит Мерчуткина.

Мерчуткина (в дверях, отмахиваясь). Чего хватаете-то? Вот еще! Мне самого нужно!.. (Входит, Шипучину.) Честь имею, ваше превосходительство... Жена губернского секретаря, Настасья Федоровна Мерчуткина-с.

Шипучин. Что вам угодно?

Мерчуткина. Изволите ли видеть, ваше превосходительство, муж мой, губернский секретарь Мерчуткин, был болен пять месяцев, и пока он лежал дома и лечился, ему без всякой причины отставку дали, ваше превосходительство, а когда я пошла за его жалованьем, то они, изволите ли видеть, взяли и вычли из его жалованья двадцать четыре рубля тридцать шесть копеек. За что? спрашиваю. «А он, говорят, из товарищеской кассы брал и за него другие ручались». Как же так? Нешто он мог без моего согласия брать? Так нельзя, ваше превосходительство! Я женщина бедная, только и кормлюсь жильцами... Я слабая, беззащитная... От всех обиду терплю и ни от кого доброго слова не слышу.

Шипучин. Позвольте... (Берет от нее прошение и читает его стол.)

Татьяна Алексеевна (Хирину). Но нужно сначала... На прошлой неделе вдруг я получаю от мамы письмо. Пишет, что сестре Кате сделал предложение некий Грендилевский. Прекрасный, скромный молодой человек, но без всяких средств и никакого определенного положения. И на беду, представьте себе, Катя увлеклась им. Что тут делать? Мама пишет, чтобы я не медля приехала и повлияла на Катю...

Хирин (сурово). Позвольте, вы меня сбили! Вы — мама да Катя, а я вот сбился и ничего не понимаю.

Татьяна Алексеевна. Экая важность! А вы слушайте, когда с вами дама говорит! Отчего вы сегодня такой сердитый? Влюблены? (Смеется.)

Шипучин (Мерчуткиной). Позвольте, однако, как же это? Я ничего не понимаю...

Татьяна Алексеевна. Влюблены? Ага! Покраснел!

Шипучин (жене). Танюша, поди, милая, на минутку в контору. Я сейчас.

Татьяна Алексеевна. Хорошо. (Уходит.)

Шипучин. Я ничего не понимаю. Очевидно, вы, сударыня, не туда попали. Ваша просьба по существу совсем к нам не относится. Вы потрудитесь обратиться в то ведомство, где служил ваш муж.

Мерчуткина. Я, батюшка, в пяти местах уже была, нигде даже прошения не приняли. Я уж и голову потеряла, да спасибо зятю Борису Матвейчу, надоумил к вам сходить. «Вы, говорит, мамаша, обратитесь к господину Шипучину: они влиятельный человек, все могут...» Помогите, ваше превосходительство!

Шипучин. Мы, госпожа Мерчуткина, ничего не можем для вас сделать. Поймите вы: ваш муж, насколько я могу судить, служил по военно-медицинскому ведомству, а наше учреждение совершенно частное, коммерческое, у нас банк. Как не понять этого!

Мерчуткина. Ваше превосходительство, а что муж мой болен был, у меня докторское свидетельство есть. Вот оно, извольте поглядеть...

Шипучин (раздраженно). Прекрасно, я верю вам, но, повторяю, это к нам не относится.

За сценой смех Татьяны Алексеевны; потом мужской смех.

Шипучин (взглянув на дверь). Она там мешает служащим. (Мерчуткиной.) Странно и даже смешно. Неужели ваш муж не знает, куда вам обращаться?

Мерчуткина. Он, ваше превосходительство, у меня ничего не знает. Зарядил одно: «не твое дело! пошла вон!» да и все тут...

Шипучин. Повторяю, сударыня: ваш муж служил по военно-медицинскому ведомству, а здесь банк, учреждение частное, коммерческое...

Мерчуткина. Так, так, так... Понимаю, батюшка. В таком случае, ваше превосходительство, прикажите выдать мне хоть пятнадцать рублей! Я согласна не всё сразу.

Шипучин (вздыхает). Уф!

Хирин. Андрей Андреич, этак я никогда доклада не кончу!

Шипучин. **Сейчас**. (Мерчуткиной.) Вам не втолкуешь. Да поймите же, что обращаться к нам с подобной просьбой так же странно, как подавать прошение о разводе, например, в аптеку или в пробирную палатку.

Стук в дверь. Голос Татьяны Алексеевны: «Андрей, можно войти?»

(Кричит.) Погоди, милая, сейчас! (Мерчуткиной.) Вам не доплатили, но мы-то тут при чем? И к тому же, сударыня, у нас сегодня юбилей, мы заняты... и может сюда войти кто-нибудь сейчас... Извините...

Мерчуткина. Ваше превосходительство, пожалейте меня, сироту! Я женщина слабая, беззащитная... Замучилась до смерти... И с жильцами судись, и за мужа хлопочи, и по хозяйству бегай, а тут еще зять без места.

Шипучин. Госпожа Мерчуткина, я... Нет, извините, я не могу с вами говорить! У меня даже голова закружилась... Вы и нам мешаете, и время понапрасну теряете... (Вздыхает, в

сторону.) Вот пробка, не будь я Шипучин! (Хирину.) Кузьма Николаич, объясните вы, пожалуйста, госпоже Мерчуткиной... (Машет рукой и уходит в правление.)

Хирин (подходит к Мерчуткиной. Сурово). Что вам угодно?

Мерчуткина. Я женщина слабая, беззащитная... На вид, может, я крепкая, а ежели разобрать, так во мне ни одной жилочки нет здоровой! Еле на ногах стою и аппетита решилась. Кофей сегодня пила и без всякого удовольствия.

Хирин. Я вас спрашиваю, что вам угодно?

Мерчуткина. Прикажите, батюшка, выдать мне пятнадцать рублей, а остальные хоть через месяц.

Хирин. Но ведь вам, кажется, было сказано русским языком: здесь банк!

Мерчуткина. Так, так... А если нужно, я могу медицинское свидетельство представить.

Хирин. У вас на плечах голова или что?

Мерчуткина. Миленький, ведь я по закону прошу. Мне чужого не нужно.

Хирин. Я вас, мадам, спрашиваю: у вас голова на плечах или что? Ну, черт меня подери совсем, мне некогда с вами разговаривать! Я занят. (Указывает на дверь.) Прошу!

Мерчуткина (удивленная). А деньги как же?..

Хирин. Одним словом, у вас на плечах не голова, а вот что... (Стучит пальцем по столу, потом себе по лбу.)

Мерчуткина (обидевшись). Что? Ну, нечего, нечего... Своей жене постукай... Я губернская секретарша... Со мной не очень!

Хирин (вспылив, вполголоса). Вон отсюда!

Мерчуткина. Но, но, но... Не очень!

Хирин (вполголоса). Ежели ты не уйдешь сию секунду, то я за дворником пошлю! Вон! (Топочет ногами.)

Мерчуткина. Нечего, нечего! Не боюсь! Видали мы таких... Скважина!

Хирин. Кажется, во всю свою жизнь не видал противнее... Уф! Даже в голову ударило... (Тяжело дышит.) Я тебе еще раз говорю... Слышишь! Ежели ты, старая кикимора, не уйдешь отсюда, то я тебя в порошок сотру! У меня такой характер, что я могу из тебя на весь век калеку сделать! Я могу преступление совершить!

Мерчуткина. Собака лает, ветер носит. Не испугалась. Видали мы таких.

Хирин (в отчаянии). Видеть ее не могу! Мне дурно! Я не могу! (Идет к столу и садится.) Напустили баб полон банк, не могу я доклада писать! Не могу!

Мерчуткина. Я не чужое прошу, а свое, по закону. Ишь срамник! В присутственном месте в валенках сидит... Мужик...

Входят Шипучин и Татьяна Алексеевна.

Татьяна Алексеевна (входя за мужем). Поехали мы на вечер к Бережницким. На Кате было голубенькое фуляровое платье с легким кружевом и с открытой шейкой... Ей очень к лицу высокая прическа, и я ее сама причесала... Как оделась и причесалась, ну просто очарование!

Шипучин (уже с мигренью). Да, да... очарование... Сейчас могут прийти сюда.

Мерчуткина. Ваше превосходительство!..

Шипучин (уныло). Что еще? Что вам угодно?

Мерчуткина. Ваше превосходительство!.. (Указывает на Хирину.) Вот этот, вот самый... вот этот постучал себе пальцем по лбу, а потом по столу... Вы велели ему мое дело разобрать, а он насмехается и всякие слова. Я женщина слабая, беззащитная...

Шипучин. Хорошо, сударыня, я разберу... приму меры... Уходите... после!.. (В сторону.) У меня подагра начинается!..

Хирин (подходит к Шипучину, тихо). Андрей Андреич, прикажите послать за швейцаром, пусть ее в три шеи погонит. Ведь это что такое?

Шипучин (испуганно). Нет, нет! Она визг поднимет, а в этом доме много квартир.

Мерчуткина. Ваше превосходительство!..

Хирин (плачущим голосом). Но ведь мне доклад надо писать! Я не успею!.. (Возвращается к столу.) Я не могу!

Мерчуткина. Ваше превосходительство, когда же я получу? Мне нынче деньги надобны.

Шипучин (в сторону, с негодованием). За-ме-ча-тель-но подлая баба! (Ей мягко.) Сударыня, я уже вам говорил. Здесь банк, учреждение частное, коммерческое...

Мерчуткина. Сделайте милость, ваше превосходительство, будьте отцом родным... Ежели медицинского свидетельства мало, то я могу и из участка удостоверение представить. Прикажите выдать мне деньги!

Шипучин (тяжело вздыхает). Уф!

Татьяна Алексеевна (Мерчуткиной), Бабушка, вам же говорят, что вы мешаете. Какая вы, право.

Мерчуткина. Красавица, матушка, за меня похлопотать некому. Одно только звание, что пью и ем, а кофей ныне пила без всякого удовольствия.

Шипучин (в изнеможении, Мерчуткиной). Сколько вы хотите получить?

Мерчуткина. Двадцать четыре рубля тридцать шесть копеек.

Шипучин. Хорошо! (Достаёт из бумажника 25 руб. и подает ей.) Вот вам двадцать пять рублей. Берите и... уходите!

Хирин сердито кашляет.

Мерчуткина. Покорнейше благодарю, ваше превосходительство... (Прячет деньги.)

Татьяна Алексеевна (садясь около мужа). Однако мне пора домой... (Посмотрев на часы.) Но я еще не кончила... В одну минуточку кончу и уйду... Что было! Ах, что было! И так, поехали мы на вечер к Бережницким... Ничего себе, весело было, но не особенно... Был, конечно, и Катин вздыхатель Грендилевский... Ну, я с Катей поговорила, поплакала, повлияла на нее, она тут же на вечере объяснилась с Грендилевским и отказала ему. Ну, думаю, все устроилось, как нельзя лучше: маму успокоила, Катю спасла и теперь сама могу быть спокойна... Что же ты думаешь? Перед самым ужином идем мы с Катей по аллее и вдруг... (Волнуясь.) И вдруг слышим выстрел... Нет, я не могу говорить об этом хладнокровно! (Обмахивается платком.) Нет, не могу!

Шипучин (вздыхает). Уф!

Татьяна Алексеевна (плачет). Бежим к беседке, а там... там лежит бедный Грендилевский... с пистолетом в руке...

Шипучин. Нет, я этого не вынесу! Я не вынесу! (Мерчуткиной.) Вам что еще нужно?

Мерчуткина. Ваше превосходительство, нельзя ли моему мужу опять поступить на место?

Татьяна Алексеевна (плача). Выстрелил себе прямо в сердце... вот тут... Катя упала без чувств, бедняжка... А он сам страшно испугался, лежит и... и просит послать за доктором. Скоро приехал доктор и... и спас несчастного...

Мерчуткина. Ваше превосходительство, нельзя ли моему мужу опять поступить на место?

Шипучин. Нет, я не вынесу! (Плачет.) Не вынесу! (Протягивает к Хирину обе руки, в отчаянии.) Прогоните ее! Прогоните, умоляю вас!

Хирин (подходя к Татьяне Алексеевне). Вон отсюда!

Шипучин. Не ее, а вот эту... вот эту ужасную... (указывает на Мерчуткину) вот эту!

Хирин (не поняв его, Татьяне Алексеевне). Вон отсюда! (Топочет ногами.) Вон пошла!

Татьяна Алексеевна. Что? Что вы? С ума сошли?

Шипучин. Это ужасно! Я несчастный человек! Гоните ее! Гоните!

Хирин (Татьяне Алексеевне). Вон! Искалечу! Исковеркаю! Преступление совершу!

Татьяна Алексеевна (бежит от него, он за ней). Да как вы смеете! Вы нахал! (Кричит.) Андрей! Спаси! Андрей! (Взвизгивает.)

Шипучин (бежит за ними). Перестаньте! Умоляю вас! Тише! Пощадите меня!

Хирин (гонится за Мерчуткиной). Вон отсюда! Ловите! Бейте! Режьте ее!

Шипучин (кричит). Перестаньте! Прошу вас! Умоляю!

Мерчуткина. Батюшки... батюшки!.. (Взвизгивает.) Батюшки!..

Татьяна Алексеевна (кричит). Спасите! Спасите!.. Ах, ах... дурно! Дурно! (Вскакивает на стул, потом падает на диван и стонет, как в обмороке.)

Хирин (гонится за Мерчуткиной). Бейте ее! Лупите! Режьте!

Мерчуткина. Ах, ах... батюшки, в глазах темно! Ах! (Падает без чувств на руки Шипучина.)

Стук в дверь и голос за сценой: «Депутация!»

Шипучин. Депутация... репутация... оккупация...

Хирин (топочет ногами). Вон, черт бы меня драл! (Засучивает рукава.) Дайте мне ее! Преступление могу совершить!

Входит депутация из пяти человек; все во фраках. У одного в руках адрес в бархатном переплете, у другого — жбан. В дверь из правления смотрят служащие. Татьяна Алексеевна на диване, Мерчуткина на руках у Шипучина, обе тихо стонут.

Член банка (громко читает). Многоуважаемый и дорогой Андрей Андреевич! Бросая ретроспективный взгляд на прошлое нашего финансового учреждения и пробегая умственным взором историю его постепенного развития, мы получаем в высшей степени отрадное впечатление. Правда, в первое время его существования небольшие размеры основного капитала, отсутствие каких-либо серьезных операций, а также неопределенность целей ставили ребром гамлетовский вопрос: «быть или не быть?», и в одно время даже раздавались голоса в пользу закрытия банка. Но вот во главе учреждения становитесь вы. Ваши знания, энергия и присущий вам такт были причиной необычайного успеха и редкого процветания. Репутация банка... (кашляет) репутация банка...

Мерчуткина (стонет). Ох! Ох!

Татьяна Алексеевна (стонет). Воды! Воды!

Член банка (продолжает). Репутация... (кашляет) репутация банка поднята вами на такую высоту, что наше учреждение может ныне соперничать с лучшими заграничными учреждениями...

Шипучин. Депутация... репутация... оккупация... шли два приятеля вечернею порой и дельный разговор вели между собой... Не говори, что молодость сгубила, что ревностью истерзана моей.

Член банка (продолжает в смущении). Затем, бросая объективный взгляд на настоящее, мы, многоуважаемый и дорогой Андрей Андреевич... (Понизив тон.) В таком случае мы после... Мы лучше после...

Уходят в смущении.

Занавес

¹ исповедание веры (франц.).

² на широкую ногу (франц.).